

В странах евразийского региона сегодня отмечается высокое политическое и общественное внимание к проблеме инновационного экономического развития. Идет поиск путей превращения инновационного потенциала в ресурс для обеспечения конкурентоспособности экономики и устойчивого роста.

Представляется очевидным, что для создания общей инновационной политики евразийского региона, необходимо формирование в каждой стране ЕАЭС эффективной национальной инновационной системы, соответствующей целям долгосрочного инновационного развития. Но инновационный потенциал стран евразийского региона значительно различается.

Российская Федерация располагает значительным научным потенциалом, имеет существенные результаты и достижения в области нано, биотехнологий, атомной энергетики, аэрокосмических технологий, производства военной техники, средств связи и информационных технологий. Масштабы российского потребительского рынка потенциально позволяют развивать систему производств, ориентированных на потребление конкурентоспособной инновационной продукции.

В своем недавнем послании Федеральному Собранию Президент РФ обозначил инновационное развитие приоритетным направлением: «Мы должны четко понимать, какие вызовы стоят перед нами. Скорость технологических изменений нарастает стремительно. Тот, кто использует эту технологическую волну — вырвется далеко вперед, тех, кто не сможет этого сделать — эта волна захлестнет, утопит. Технологическое отставание, зависимость означает снижение безопасности и экономических возможностей страны. А в результате потерю суверенитета» [37].

Чуть позже, на Петербургском международном экономическом форуме Президент РФ обозначил направления цифровизации экономики, позволяющие наращивать наши кадровые, интеллектуальные, технологические преимущества в сфере цифровой экономики [36].

В целом, исследование национальной инновационной системы Российской Федерации, позволяет отметить высокий потенциал развития национальной инновационной системы.

Относительно Республики Казахстан, нужно отметить, что страна обеспечивает условия для развития инновационной предпринимательской деятельности, обладает достаточным количеством квалифицированных кадров. В Казахстане реализуется программа создания инновационной системы, ориентированная, в первую очередь, на развитие её инфраструктуры, обеспечивающей необходимые условия для привлечения инвестиций. Как и в России, в Казахстане инновационная система существует и работает. Однако, среди главных проблем следует выделить незавершенность исследований, их разрыв с производством. Большое количество исследований являются фундаментальными, а проводимые прикладные разработки испытывают проблемы с коммерциализацией, в результате для них характерен низкий уровень инженерно-технического обеспечения.

Республика Беларусь обладает развитым транспортно-коммуникационным потенциалом, имеет в своем распоряжении высокотехнологичные производственные мощности. Страна также имеет квалифицированную рабочую силу, обладает значительным научным и кадровым потенциалом в области высоких технологий. Активно развивается сфера применения биотехнологий, информационных технологий, современных компьютерных и программно-технических средств. На данном этапе развития можно отметить, что в Белоруссии только сформулирована концепция осуществления инновационных программ. Особенностью белорусской инновационной системы является четкая система информационного и идеологического обеспечения государственной инновационной программы, а также система мониторинга инновационного развития отраслей и регионов.

Инновационный потенциал Кыргызской Республики намного ниже потенциала ведущих стран ЕАЭС, однако условия для развития инновационного потенциала и его интеграции в рамках единого экономического пространства присутствуют. Кроме того, у Кыргызской Республики есть важная составляющая инновационного потенциала — наличие кадров. Также следует отметить, что для инновационной системы Киргизии характерен еще более низкий уровень интеграции организационных, законодательных, структурных и функциональных компонентов, не обеспечивающий развитие инновационной деятельности. На данном этапе национальная инновационная система является набором отдельных элементов, которые не способствуют достижению общей цели инновационного развития. Основная проблема — отсутствие системной законодательной базы, которая бы способствовала правовому регулированию отношений в сфере инноваций.

Что касается Армянской Республики, в отличие от рассмотренных выше стран, здесь еще не выработалась сама идея национальной инновационной системы. Хотя, следует отметить, что некоторые ее элементы уже существуют и имеется тенденция к её дальнейшему формированию. Однако, ни существующая система образования, ни система профессиональной подготовки кадров пока еще не ориентированы на решение задач, определяемых направлением развития, которое должно опираться на человеческий капитал. Очевидно, что научно-технический и инновационный потенциал в Армении намного ниже, чем в других государствах ЕАЭС.

В заключение можно отметить, что страны-участницы Евразийского экономического союза не достигли пока значимого успеха в создании «инновационного климата». Можно видеть противоречия между цивилизационными вызовами, формируемыми глобализацией и научно-техническим прогрессом и реальным положением дел в странах-участницах Евразийского экономического союза. Пока в экономике данных стран господствует сырьевая ориентация, что не способствует стабильному инновационному и экономическому развитию.

АНТИЕВРАЗИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЕАЭС: ОПЫТ КИРГИЗИИ

К.А. Черевык,

*доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук*

Киргизия последняя из пяти стран вошла в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) 12 августа 2015 г. [53]. При этом участие страны в процессах евразийской интеграции в 2014 г. поддерживало 50% граждан, а выступало против 30% [18].

Активная фаза переговоров о вступлении приходится на 2013–2014 гг. Именно тогда в стране формируются и пытаются активно действовать антиевразийские объединения и группы. Наиболее известными из них стали неформальное движение «Киргизия против Таможенного союза» (КПТС) и коалиция «Национальное оппозиционное движение» (НОД).

Движение КПТС началось с создания в соцсети «Фейсбук» одноименной группы весной 2013 г. В ней насчитывалось не-

сколько тысяч участников [34]. В само движение входили люди, позиционирующие себя как либералы, демократы, т.н. «национал-патриоты». Это были представители неправительственных, правозащитных и международных организаций, ряд экспертов и несколько политиков [52]. Зимой 2013–2014 гг. члены КПТС начинают выходить за рамки соцсетей. В течение 2014 г. они организовали несколько уличных акций, направленных против ЕАЭС и участия Киргизии в процессах евразийской интеграции [46]. Однако эти акции собрали лишь несколько десятков участников каждая [34].

Кроме того, КПТС сделало в 2014–2015 гг. несколько официальных обращений к властям с протестами против вхождения

страны в ЕАЭС. В них киргизские власти обвинялись в безответственности, «комплексе младшего брата», полной политико-экономической несостоятельности при расчете рисков и угроз для страны при вступлении в ЕАЭС, форсировании интеграционного процесса, преследовании противников евразийской интеграции, а также содержались призывы прислушаться к мнению последних и свернуть переговоры, иначе последует социальный бунт [19; 16].

В целом, взгляды представителей Движения сводились к отказу от вступления Киргизии в ЕАЭС и любого союза с Россией в целом, поиску альтернатив этому союзу, внедрению западных (либеральных) ценностей в стране, усилению влияния США (стран Запада в целом) в Киргизии.

КПТС не смогло выйти за пределы соцсетей, так и оставшись «фейсбучной» группой, без широкой общественной и политической поддержки [34]. Имеются данные, позволяющие говорить если не о координации, то, как минимум, о поддержке деятельности КПТС со стороны посольства США в Бишкеке [32].

Причины неудачи Движения следует искать в его методах агитации и идеологии. Изначально его активистами был взят курс на национализм, зачастую переходящий в открытую ксенофобию, русофобию, а также активные призывы к свержению

власти в стране, как единственному способу остановить вступление в ЕАЭС [34].

Вторая антиевразийская организация в Киргизии НОД — это оппозиционная прозападная политическая коалиция [41], созданная 12 февраля 2014 г. [43] С идеологической точки зрения, состав участников был примерно таким же, как в КПТС. Но в НОД состоял целый ряд бывших высокопоставленных государственных чиновников. Движение обвиняло власти в том же, что и КПТС и требовало вынести вопрос о вступлении в ЕАЭС на всенародный референдум [13]. В марте 2016 г. руководство НОД было обвинено в подготовке государственного переворота и арестовано [51].

Таким образом, антиевразийские силы в Киргизии, как таковые, имеют место и продолжают свою деятельность. Пик их деятельности пришелся на 2014 г., когда они неудачно пытались помешать вступлению страны в ЕАЭС. Антиевразийское движение не получило широкой общественной и политической поддержки. В качестве инструментов своей деятельности оппозиция использовала соцсети, уличные акции и петиции властям. С идеологической точки зрения, движение исповедовало в целом крайне националистические взгляды, в том числе открытую русофобию. Критика вступления Киргизии в ЕАЭС напрямую связывалась с усилением влияния России.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Н.Е. Христолюбова,

*научный сотрудник Центрального экономико-математического института
Российской академии наук (г. Москва)*

Страны мировой экономики в настоящее время, независимо от уровня их социально-экономического развития, находятся под воздействием общемировых современных тенденций и процессов либерализации, интернационализации, проявляющихся в усилении международного разделения труда, специализации и кооперирования производства, а также транснационализации производства и капитала. Все больше национальные государства ощущают на различных сторонах своей жизнедеятельности противоречивое воздействие усложняющихся процессов глобализации. В то же самое время, все страны мирового хозяйства вступают в новый этап подъема шестой длинной волны развития мировой экономики. Переход от пятой длинной волны к шестой сопровождается сменой существующего технологического уклада на новый, основу которого составляют прорывные инновации, открытия и изобретения. Будущее мировой экономики за новой технологической базой экономических систем и переходом к новой цифровой экономике. В период перехода от отживающих условий хозяйствования к новым условиям, наступает время перемен в привычной роли стран в мирохозяйственных связях. Перед странами, которым на основе накопленного достаточно научного потенциала удастся совершить технологический рывок, появляется возможность догнать и даже опередить страны-лидеры в темпах инновационного роста экономики, т.е. для стран — «последователей» открываются технологические «окна возможностей» [3].

Таким образом, все страны в новых условиях непрерывного роста НТП и нарастании системного воздействия негативных последствий глобализации, ищут дополнительные, мобилизуют и адаптируют существующие ресурсы для скорейшего инновационного, устойчивого, безопасного социально-экономического развития и роста. Региональная интеграция, проявляющаяся в сближении и всестороннем объединении соседних стран, является адекватной реакцией на негативные последствия глобализации и эффективным инструментом повышения конкурентоспособности производимых благ на мировом рынке, роста социально-экономической стабильности, безопасности и ускорения процессов модернизации на основе рационального использования ресурсов, как каждой отдельной страны, так и всего их объединения.

Международные интеграционные процессы, через объединение в единый экономический комплекс, открывают для стран-участниц новые возможности более стабильного, современного социально-экономического развития. Для Российской Федерации возрастает необходимость участия в международных интеграционных процессах, особую актуальность приобретает интеграция с постсоветскими странами, отношение с которыми носит стратегический характер. Постсоветские страны организуют совместные с Россией интеграционные проекты: СВМДА, ШОС, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. Вместе с тем, созданы объединения на постсоветском пространстве, в которые Россия не входит.

Постсоветские интеграционные процессы принципиально отличаются от европейской интеграции, которая до образования Европейского союза не имела модели и опыта объединенного функционирования в прошлой истории своего развития. Постсоветская интеграция базируется на модели СССР, в которой степень интеграции и разделения труда была высокой, поскольку Советский Союз был единым государством [49]. Постсоветские страны объединяет территориальная близость, общие границы и признание территориальной целостности в сложившихся границах, инфраструктура, культурная и этническая близость, общие социально-экономические проблемы, которые необходимо решать, а также общий русский язык, как средство делового общения.

Россия в настоящее время находится под воздействием санкционной политики сдерживания ее социально-экономического развития и изолирования от передовых технологий и взаимных контрсанкций. В таких условиях трудно развиваться в одиночку. Интеграция является эффективным инструментом формирования современной конкурентоспособной экономики для того, чтобы иметь возможность совершить за короткий период времени технологический рывок, который позволит «обеспечить технологическое лидерство по ряду важнейших направлений, сформировать комплекс высокотехнологичных отраслей, увеличить стратегическое присутствие России на рынках высокотехнологичной продукции и интеллектуальных услуг, модернизировать традиционные отрасли экономики за счет глобально ориентированных специализированных производств» [20]. Также будут созданы предпосылки реализовать амбициозные цели — вывести российскую экономику на ли-